

миѣ тебѣ сказать... Дорогой ты мой, не волнуйся ты, береги себя... Ты нуженъ, ты полезенъ...

— Но я отъѣта прошу... — со стономъ вымолвилъ Тутолминъ.

— Не люблю я тебя, не могу любить,—печально сказала Варя:—помнишь, съ той сцены на полянѣ,—она покраснѣла въ смущеніи,—я тогда не смогла рѣшить, но я тогда же подумала... Дорогой ты мой, какъ мужа не могу я тебя любить... Я вотъ какъ виновата предъ тобой—я поступила безчестно, я это сознаю... Но я теперь не могу лгать... Простите меня,—она заплакала,—если бы вы знали, что со мною было... Я убить себя хотѣла—я не знаю, какъ я пережила эту ночь... Я вѣдь только съ вашей записки поняла, что совсѣмъ, совсѣмъ не люблю васъ... И вы не подумайте—я никого не люблю. Выше васъ я никого не знаю. Но... другъ мой, братъ мой, милый мой братъ, я никогда не буду твоей женою... Пойми же ты меня!.. Если бы вы сказали миѣ пойти и умереть, о, я бы съ радостью умерла,—и воскликнула съ блистающими глазами:—ахъ, укажите миѣ дѣло, за которое я могла бы умереть!

А Илья Петровичъ только вздрагивалъ какъ бы отъ ударовъ, да замиралъ въ тупомъ и холодномъ отчаяніи. Онъ ясно видѣлъ, что всѣ его надежды разлетаются дымомъ. Онъ прекрасно сознавалъ, что справедливость, по крайней мѣрѣ теперь, вся на сторонѣ Вари и что давно пора было отдать себѣ строгій отчетъ въ этихъ романическихъ отношеніяхъ—и все-таки не могъ успокоиться. И бѣшенство въ немъ подымалось, и страсть кипѣла неукротимымъ ключемъ, и оскорбленное самолюбіе заявляло свои притязанія... При послѣднихъ словахъ дѣвушки онъ встрепенулся.

— Съ музыкой?—насмѣшливо спросилъ онъ; и когда она не появилась, добавилъ:—нѣтъ у меня въ распоряженіи такого дѣла, Варвара Алексѣевна. Мое дѣло жизни требуетъ, а не смерти. Самой что ни на есть прозаической жизни. Безъ барабановъ...

— Я не понимаю тебя,—сказала она, поглядѣвъ на него въ недоумѣніи.

— Глупо дѣлали и прежде, что барабанили, говорю,—вымолвилъ Тутолминъ,—Христось безъ барабановъ побѣдилъ міръ.

— Но онъ умеръ на крестѣ,—живо произнесла Варя.

— Не слѣдовало.

— «Есть времена, есть дѣлые вѣка»,—въ какомъ-то восторгѣ сказала она,—

Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе—гернового вѣка...